

Кэндзюро Янагида, *Эволюция моего мировоззрения*, М., Госполитиздат, 1957, 164 стр.

Крушение захватнических планов японской военщины привело к стремительному подъему демократических сил и росту рабочего движения в Японии, направившего свое острие против американо-японской реакции. В это движение включилась и прогрессивная интеллигенция страны.

Один из ее видных представителей — Кэндзюро Янагида, автор рецензируемой книги, прошел долгий и мучительный путь в поисках мировоззрения, дающего ключ к правильному пониманию происходящих в мире общественных процессов. На первом этапе своей научной деятельности, в середине 20-х годов, он находился под влиянием абстрактной по форме и компромиссной по содержанию философии Канта. Эта половинчатая философская система позволяла ему примирять свои гуманистические убеждения с реальными условиями жизни милитаристской Японии. Пройдя через увлечение неокантианством Виндельбанда, критиковавшего марксистскую идею объективной закономерности в обществе, Янагида стал поклонником реакционной философии Китаро Нисиды, своего старшего современника, главы философской школы в университете Киото.

Нисида был субъективным идеалистом эклектического толка. Он выдвигал идеи нравственного самосовершенствования человеческой личности и ухода от действительного мира, который, по его словам, был «долиной вздохов и горя». Эта позиция, отвращавшая людей от активной борьбы за переустройство реальных отношений, привела философа к защите и обоснованию великояпонских шовинистических идей. В годы второй мировой войны сторонники философии Нисиды стали усматривать самосовершенствование человека в служении идее «Великой Восточной Азии».

Кэндзюро Янагида, с самого начала примкнувший к левому крылу сторонников Нисиды, раньше других, еще до конца мировой войны, стал отчетливо понимать, что дальнейшая защита позиций философской школы в Киото равносильна участию в войне на стороне японских милитаристов. Он осознал это, наблюдая ужасы террористического режима в стране, когда смелая мысль была загнана в подполье и никто «не смел

даже произнести слово «марксизм» или выступить, например, с обсуждением произведений Ленина» (стр. 92). Тяжелая жизнь простых людей, наблюдаемая Янагида, трагическая гибель сына, курсанта военной школы, беспощадные бомбардировки американской авиации — все эти реальные жизненные аргументы оказывались сильнее отвлеченных философских постулатов Нисиды.

Однако теоретическое преодоление влияния школы Киото в тот период было для Янагиды еще невозможным.

Империалистическая Япония проиграла войну. Рухнул авторитет военщины, померк культ императора, утратили всякую ценность старинные феодальные «добродетели» — «послушание и исполнение приказаний». Возникла атмосфера, в которой, по словам Янагиды, «не оставалось уже ничего страшного, кроме оккупационных войск» (стр. 111). Страна переживала период пробуждения прогрессивных сил. На арену политической жизни Японии из глубокого подполья вышли коммунисты.

Кэндзюро Янагида еще задолго до войны встречался и вел философские диспуты с учеными-марксистами, активными деятелями Коммунистической партии Японии. Он уважал их, но, будучи идеалистом, считал коммунистов людьми, слишком погруженными в земные практические дела.

После окончания войны, вступая в дискуссии с коммунистами, боровшимися против философии Нисиды, Янагида стал постепенно понимать, что тесная связь с практикой является одним из наиболее важных принципов марксистско-ленинской философии и самой сильной стороной деятельности коммунистов. Мысли Нисиды об углублении в себя, афоризм Виндельбанда: «Одиночество — удел великого человека» поблекли перед марксистским тезисом о том, что подлинное богатство человеческой личности определяется богатством ее общественных отношений.

Янагида перестает быть одиноким мыслителем, ведущим полутшельнический образ жизни. Он все смелее входит в кипучую общественную жизнь, в японское движение сторонников мира.

С мая по август 1954 года Янагида путешествует по странам Европы и Азии, участвует в работе

чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира в Берлине и конференции по ослаблению международной напряженности в Стокгольме. Он посещает Народный Китай, Советский Союз и пишет книгу «Мое путешествие в истину», знаменующую его окончательный переход на позиции философии Маркса и Ленина. Из философа старого типа, ограничивавшегося попытками дать лишь объяснение мира, Янагида превратился в мыслителя, осознавшего, что мир нуждается в коренном переустройстве, в энергичного участника борьбы за изменение и преобразование жизни.

Обретя истинную философию, ученый увидел ясные перспективы будущего. Янагида убежден в неизбежной победе нового общественного строя. «На основе объединения всего пролетариата, — пишет он, — возникнет новое, социалистическое общество, которое покончит с эксплуатацией и колонизацией, с корнем вырвет источник войн. Может быть, я не доживу до того дня, когда смогу увидеть этот новый мир. Но ничего. Теперь у нас еще ночь. Ночь темна. Очень трудно разглядеть в этой тьме свет. Но, несомненно, рассвет близок. Бьет последний час капитализма. Для пролетариата наступает утренний заря» (стр. 154).

Первая страна, осуществившая на практике идеи Ленина, — Советский Союз привлекает к себе пристальное и восхищенное внимание японского философа. На страницах книги «Эволюция моего мировоззрения» Янагида призывает изучать опыт создания новых человеческих отношений в странах социализма.

Адресуя свой труд японской молодежи, философ ставит целью помочь ей в исканиях и сомнениях, подсказать юношам и девушкам единственно верный жизненный путь — путь борьбы за счастье и лучшее будущее человечества.

Книга японского философа — еще одно живое свидетельство правильности идей Маркса — Энгельса — Ленина, которые, овладевая сознанием людей, становятся могучей силой, преобразующей мир.

Г. МИХАЙЛОВ,
А. РОМАНОВ